

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

Владимир ЕМЕЛЬЯНОВ

МАТЕРИАЛЫ И МАРГИНАЛИИ К СТИХОТВОРЕНИЮ В. Я. БРЮСОВА «АССАРГАДОН»

Стихотворение А. Тинякова «Тукультипалешарра I», разобранный нами на предыдущих чтениях (Емельянов, 2010, 109-120), является подражанием знаменитому стихотворению В. Я. Брюсова об ассирийском царе Асархаддоне. Поэтому, уделив внимание копии, необходимо в рамках нашей общей проблематики — Древняя Месопотамия в русской литературе — обратиться к оригиналу.

Сонет В. Я. Брюсова «Ассаргадон. Ассирийская надпись», датированный самим автором декабрем 1897 г., до сих пор не имеет адекватного текстологического и историко-литературного комментария. Это связано, во-первых, с тем, что черновики сонета только недавно были обнаружены, во-вторых, со слабой изученностью брюсовского круга чтения в 1890-е годы. Поэтому в настоящее время возможны только маргиналии к тексту сонета. Публикуемые здесь маргиналии подчиняются довольно определенному плану. Следует процитировать сонет Шелли «Озимандия» как основу брюсовского вдохновения, проанализировать источники самого брюсовского сонета¹ и указать некоторые случаи его рецепции в последующей русской литературе.

¹ Прагматическая причина написания цикла сонетов о великих героях прошлого может быть очень простой. В конце 1890-х годов Брюсов учился на историко-филологическом факультете Московского университета и слушал лекции по всеобщей истории. Стихотворения этого периода — не что иное, как зарифмованные конспекты лекций. Ассаргадон, Рамзес, Александр и другие герои древности были для купеческого сына, поздно поступившего в университет, настоящими образцами жизни. Через них он приобщался к ценностям элитарной дворянской культуры, знать их он был обязан лучше многих дворянских детей. Через восприятие истории постепенно выстраивалась личная система ценностей Брюсова, он как бы вбирал всю историю в себя и пытался единолично овладеть ею в поэтическом творчестве. Если Пушкину достаточно было владеть историей через память о деяниях его предков, то Брюсов был лишен опоры на родовое прошлое, зато он нашел опору во всемирной истории. Как представитель человеческого рода, он представлял себя ее творцом во всех известных эпохах. Об этом пишет он сам: «Я, например, готовился к государственным испытаниям в университете по историческому отделению и все читал исторические сочинения, вот откуда у меня Дантэ, Ассаргадон, Моисей, Кассандра» (письмо к П. Перцову начала ноября 1898) // Литературное Наследство. 98. 1. 795.

Источник Шелли: Диодор Сицилийский о статуе Рамзеса II (Озимандии) (I 47):

Ten stades from the first tombs, he says, in which, according to tradition, are buried the concubines of Zeus, stands a monument of the king known as Osymandyas... And it is not merely for its size that this work merits approbation, but it is also marvellous by reason of its artistic quality and excellent because of the nature of the stone, since in a block of so great a size there is not a single crack or blemish to be seen. The inscription upon it runs: «King of Kings am I, Osymandyas. If anyone would know how great I am and where I lie, let him surpass one of my works.» (Diodorus I).

П.-Б. Шелли, Озимандия (26.12-28.12.1817 г.)¹.

I met a traveller from an antique land,
Who said — “two vast and trunkless legs of stone
Stand in the desert ... near them, on the sand,
Half sunk a shattered visage lies, whose frown,
And wrinkled lips, and sneer of cold command,
Tell that its sculptor well those passions read
Which yet survive, stamped on these lifeless things,
The hand that mocked them, and the heart that fed;
And on the pedestal these words appear:
My name is Ozymandias, King of Kings,
Look on my Works ye Mighty, and despair!
Nothing beside remains. Round the decay
Of that colossal Wreck, boundless and bare
The lone and level sands stretch far away.”
(Shelley)

Перевод К. Д. Бальмонта

Я встретил путника; он шел из стран далеких
И мне сказал: вдали, где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких

¹ Шелли написал стихотворение о статуе Рамзеса II в соревновании с Горацием Смитом, о чем подробнее см. <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/1904.html>. Оба сонета были опубликованы в начале 1818 г. Интересна близость дат у Шелли и Брюсова. Оба сонета написаны в конце декабря, текст Брюсова отстоит от Шелли на 80 лет. Обращал ли Брюсов внимание на это сходство — неизвестно.

Обломок статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень —
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.

И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»

Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

Черновики

а) Вариант 1: Брюсов В. Я. Мои стихи (записная книжка № 9) // РГБ. Ф. 386. Карт. 14. Ед. хр. 5/9. Л. 9об — 10

подзаголовок нет

стр. 5: «Египет речь мою внимал, как свой закон»
стр. 6: «Народ читал судьбу в моем едином взоре»
стр. 7: «На черепах врагов воздвиг я мощный трон»
стр. 10: «Мечта о подвигах — бесцельная забава»
стр. 11: «Деянья всех людей лишь тень в безумном сне»

дата: 1897

б) Вариант 2: Брюсов В. Я. Мои стихи (записная книжка № 11) // РГБ. Ф. 386. Карт. 14. Ед. хр. 5/11. Л. 2

(на титульном листе книжки: осень 1898)

подзаголовков есть

стр. 5: «Егип[ет]ту речь [мою] моя [внимал] звучала, как [свой] закон»

стр. 7: «[На черепах] Я на костях врагов воздвиг [я] свой мощный трон»

в) Вариант 3: Брюсов В. Я. “Tertia vigilia” (рукопись, макет) // РГБ. Ф. 386 Карт. 5. Ед. хр. 9. л. 8 (на отдельном листе)

подзаголовок нет

стр. 5: «Египет речь мою внимал, как свой закон»

стр. 6: «Народ читал судьбу в моем едином взоре»

стр. 7: «На черепах врагов воздвиг я мощный трон»

Даты нет. Под текстом помета: Из письма к Самыгину 21
д<екабря 18>97¹

и: ССС II 11

Беловой вариант

АССАРГАДОН

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе.

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.
(Брюсов, 1899, 49).

КОММЕНТАРИЙ

Ассирия

Следует иметь в виду, что в декабре 1897 года Брюсов увлекался ассирийской культурой, о чем свидетельствует запись фабулы ненаписанного рассказа, обнаруженная А. Л. Соболевым в записной те-

¹ В письме Брюсова к Самыгину речь идет о мистическом значении Рождества Христова (ЛН. 98. 1. 387). Не значит ли этот факт привязку и самого стихотворения, предназначенного для включения в письмо, к празднику Рождества? Если это так, то здесь несомненно полемика Брюсова с христианским идеалом Царя Небесного, противопоставление ему славного земного царя.

тради поэта:

«В этот день Агапатис должна была принести свою девственность в жертву богине. Ибо ей бы<ло> уже 14 лет.

Агапатис одели в пышное пурпуровое платье; ее [браслеты] запястья были из золота и звенели при движениях; серьги ее были из цельного алмаза.

С толпой рабынь она прошла по улицам в храм [Иштар-Мелит] Мелитты.....

<...>

Юноша в ассирийской одежде первый остан<о>в<ился> перед ней. Он был тоже красив, тоже богато одет» и т.д.

(Брюсов В. Я. Записная тетрадь. Декабрь 1897 // РГБ. Ф. 386. Карт. 3. Ед. хр. 14, Л. 1).

Ассаргадон

В русскоязычной литературе конца XIX века имя ассирийского царя Ашшур-аххе-иддины (681-669 гг. до н.э.) передавалось самыми разными способами: Ассуракхиидин, Асаргаддон, Ассаргадон. «Ассаргадон» является неграмотной передачей, совершенно маргинально в последующей литературе и в большинстве контекстов известно только из реминисценций к стихотворению Брюсова.

Если взять комментарий к стихотворению «Ассаргадон. Ассирийская надпись» в собрании сочинений Брюсова, то прочтем у М.Васильева и Р. Шербакова: «Ассаргадон, вернее, Асархаддон — ассирийский царь (680 — 669 гг. до н.э.). В Нар-эль-Кельбе (Сирия) сохранилась высеченная на скале надпись о его победах. Сидон — древний финикийский город, разрушенный Ассаргадоном. Элам — древнее государство, расположенное к юго-востоку от Ассирии» (Брюсов, 1973 I, 590).

То есть, комментаторы сразу исправляют неверное чтение имени ассирийского царя на принятое в современной литературе и указывают на конкретную надпись, высеченную у реки Нахр-ал-Калб (между Бейрутом и Библосом) и якобы воспроизведенную в стихотворении Брюсова. Возникают сразу два вопроса: 1) как мог Брюсов, знаменитый своей точностью, исказить имя ассирийского царя?; 2) откуда Брюсов, не отличавшийся в свои 24 года хорошим образованием и знанием языков (тем более восточных), мог знать содержание одной из мелких надписей Асархаддона, опубликованных только в редком немецком издании? Ответы очевидны. Брюсов мог исказить имя ассирийского царя только в том случае, если он встретил в каком-то

справочном издании данный вариант имени. Как оно пишется правильно — он знать не мог, потому что упоминания об Асархаддоне в русскоязычной литературе до 1880-х гг. отсутствовали. Ответ на второй вопрос очевиден точно так же. Надпись из Нахр-ал-Калба Брюсов ни в коем случае не мог читать ни в подлиннике, ни в немецкой публикации. Он мог взять его тоже из какого-нибудь справочного издания, где, кстати сказать, ранее уже могло стоять искаженное имя ассирийского царя.

Самое простое, с чего следовало бы начать, — энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Но выяснилось, что этим можно и закончить. Итак, статья “Ассирия” в томе 3 за 1890 год:

“Ассаргадон (630-667) снова овладел Вавилоном, избрал его своею резиденцией и предпринял там величественные постройки. Он передал своему преемнику господство над Халдеей, подчинил своей власти Египет, смирил эфиопа Таргака и изгнал Манассию из Иудеи в Вавилон. О деяниях его повествует сохранившаяся до нашего времени надпись в Нар-эль-кельбе, в Сирии, недалеко от Бейрута. Ассаргадон в старости отрекся от престола в 667 г., предоставив старшему сыну своему Ассурбанигалу (Сарданапалу VI) Ассирию и младшему Самулмасадукину (Саосдукину) — Вавилон” (Брокгауз 3, 329).

Тут вам, будьте любезны, и Ассаргадон с дикой опечаткой в датировке начала правления (630 вместо 680), и стела в Нахр-ал-Калбе, непонятно зачем приплетенная, поскольку основные события жизни Асархаддона изложены на большой призме из Ниневии. Ниже идет список литературы с дикими ошибками в иностранных языках и в именах авторов: “Niniveh UND its remains”, А.Паулинсон (автор, наверно, принял Генри за Анри) “The early history of Babllonia” (но через строку уже Г.Паулинсон). Короче говоря, понятно, что ни при какой погоде автор статьи этих книг в руках не держал, и откуда он черпал свою информацию — мне пока не известно. Зато известно другое: автор не мог быть профессионалом в области Древнего Востока.

Кто же он? Статья не подписана. В списке авторов тома А указаны всего двое писавших неславянские гуманитарные разделы: граф Н.Ланской (Археология), Ф.Селиванов (История

и география). О Селиванове достоверно известно, что он хмик. О Ланском не знаю ничего, но ясно, что не востоковед¹. Нигде более в русскоязычной литературе до стихотворения Брюсова имя Ассаргадон больше не встречается. В зарубежной литературе с самого начала принято западносемитское Esarhaddon, исключений нет. Следовательно, нужно признать первоначальным источником имени царя у Брюсова статью в “Брокгаузе”.

Нахр-ал-Калб

Комментаторы, сославшись на стелу из Нахр-ал-Калба, по-видимому, повторили неизвестную мне оригинальную брюсовскую ссылку на данные статьи из «Брокгауза» и тем самым попались на удочку мистификации поэта².

Источником же самого сюжета с перечислением побед Асархаддона была изданная в 1895 г. в Москве книга Г.Масперо «Древнейшая история народов Востока». Брюсов следует пересказанному Масперо канону ниневийской призм³.

А что же надпись в Нахр-ал-Калбе? Она (Vogel, 1956, 101-102) сделана на стеле с изображением Асархаддона, попирающего своих противников. Стела поставлена рядом со стелой Рамзеса II, воевавшего с хеттами в тех же местах. Надпись Асархаддона очень потерялась, видны только отдельные группы знаков. В первой части надписи упоминаются боги-хранители царя. Далее следуют эпитеты само-

¹ А. Л. Соболев считает иначе: “В первых восьми или девяти томах русского Брокгауза 99 % статей, помимо касающихся России, — прямой перевод из немецкого оригинала Brockhaus Konversations-Lexikon, выполненный студентами, нанятыми за маленькую мзду. И, соответственно, русского автора ассирийской статьи, скорее всего, не существует”.

² Хотя все может быть еще проще: комментаторы обнаружили статью об Ассаргадоне все в том же 3-м томе Брокгауза и решили, что стихотворение Брюсова связано с этой статьей. Вполне возможно, что никакой оригинальной ссылки на эту статью они не находили.

³ По сообщению А.Л.Соболева, в библиотеке В.Я.Брюсова нашлась эта книга, но только 1903 года издания (РГБ. Ф. 386. Книги. Ед.хр. 691). Во-первых, это издание напечатано позже, чем был написан «Ассаргадон», а во-вторых, посвященная ему глава в экземпляре лишена помет (что не удивительно, поскольку 2-е издание вышло уже после написания стихов об Ассаргадоне). На заднем форзаце — наброски стихотворения «Наше войско двигалось мирно...». Издание 1895 г. пока не обнаружено, но ничто не мешало Брюсову читать его в библиотеке.

го царя. В третьей части надписи говорится о победе над египетским фараоном Тахаркой и перечисляются военные трофеи (в том числе и металлы). На стеле нет сообщений царя о его победах над Сидоном и Эламом. Таким образом, ясно, что к содержанию Ниневийской призмы (основного источника по истории правления Асархаддона) надпись на стеле в Нахр-ал-Калб отношения не имеет. Следовательно, и стихотворение Брюсова не берет из нее ни одной строки.

Тем не менее, следует отметить два факта. Автору статьи в «Брокгаузе» был известен основной сюжет стелы в Нахр-ал-Калбе (победа над Тахаркой); прочими деяниями Асархаддона он пренебрег, должно быть, по причине неосведомленности в содержании ниневийской призмы. Брюсов же вслед за сонетом об Асархаддоне наисал сонет о Рамзесе II, который, как известно, первым установил свою стелу в Нахр-ал-Калбе. Случайна ли эта ассоциация двух царей и не говорит ли она о брюсовском знакомстве с двумя стелами из Нахр-ал-Калба хотя бы в виде фотографических иллюстраций?

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон...камни бросил в море.

Автор стихотворения близко к тексту пересказывает надпись Асархаддона на ниневийской призме, известную к тому времени в переводах Э.Баджа и Р.Харпера на английский язык и в свою очередь пересказанную Г.Масперо. Первые строки этого текста содержат характерные для этого правителя титулы и повествуют о восстании сидонских князей, закончившимся их казнью и разрушением города. Эти строки текста переводятся с аккадского языка следующим образом:

Царь могучий, царь Вселенной, царь Ассирии, правитель Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь царей Египта, Хатти, Куша...

Настигнувший Сидон, что посреди моря, разрушивший все его жилища! Крепость его, жилища его я (с корнем) вырвал, посреди моря бросил, место расположения его уничтожил.

(Esarhaddon, Cyl. A I 1-4, 9-13; Budge, 1880, 17)

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.

Несомненный парафраз из «Озимандии»:

И сохранил слова обломок изваянья:

“Я — Озимандия, я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!”

Однако у Шелли и Бальмонта не сказано о «вожде земных царей». Для чего Брюсов вставляет это слово? Знает ли он подлинное клинописное словосочетание «цари всех земель» или имеет в виду нечто другое, давая указание на то, что Ассаргадон «князь мира сего»? В цитированном словосочетании употреблена постоянная формула Апокалипсиса:

“И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор,

¹⁶ и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца;

¹⁷ ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?”
(Откр. 6: 15-17);

“И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих;

² с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле” (Откр. 17: 1-2).

²³ И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец.

²⁴ Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою” (Откр. 21: 23-24).

Итак, «царь земных царей» в свете формулы Апокалипсиса означает “царь блудодеев”. Цари земные растлены великой Блудницей — Вавилоном, но спасутся в конце дней, увидев Град Небесный. Брюсов невольно заимствует эту формулу, чтобы затем активно противостоять оппозиции «цари земные — Царь Небесный», как мы увидим далее. По смыслу его сонета выходит, что Ассаргадон именно «князь мира сего» и не существует никакого иного мира.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Это предложение имеет два очевидных источника. “Владыки и вожди” — реминисценция известного пассажа из «Илиады» в переводе Н.И.Гнедича: “Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки Данаев» (Илиада II 487; сочетание «вожди и владыки» повторяется также в II

760). Но несомненна и связь этой строки с формулой обличительной речи Христа против книжников и фарисеев в Евангелии от Матфея: “Горе вам, вожди слепые, которые говорите: “если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен”” (Матф. 23:16). У Брюсова здесь довольно неуклюжая инверсия, в прозе это будет: “Горе вам, владыки и вожди”, — говорю я”. Царь обещает горе всем, кто откажется признать его власть.

Интересно, что в самих анналах Асархаддона есть слово *ahular*: таким восклицанием передается сострадание к людям, которых постигло горе: “Лайале, царь Йади, что перед моим оружием упорхнул, прослышал о пленении своих богов, и в Ниневии, городе моего владычества, предо мной предстал и стопы мои облобызал. Милость я ему явил — ахулап ему сказал¹. На его богах, что я пленил, могущество Ашшура, моего владыки, я начертал, (богов этих) вернул, ему отдал. Этот район Базу я ему поручил, налоги и дань моему владычеству на него возложил” (Сул. А II 55- III 52; Budge, 1880, 55-65). Вряд ли Брюсов мог знать эту часть надписи, но интуиция его не подвела. В самом деле, говорить “горе” ассирийский царь мог не только в смысле угрозы, но и в смысле жалости к поверженному противнику. То есть, эта строка может читаться как призыв смириться и желание пожалеть смирившихся.

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?

Обычный для месопотамских надписей вопрос, который в Аккадскую эпоху стал царским именем собственным: *Maništusu* «кто равен ему?» Однако, за брюсовским образом абсолютного властелина, как нам представляется, просвечивает образ пушкинского Скупого рыцаря:

Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе править миром я могу...

Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;

¹ Первые издатели текста читают эту фразу *aq-ta-bi-šu₂ a-hu-[tum]* “я говорил с ним (о) братстве” (Budge, 1880, 62-63). “Братство” в данном контексте означает “возможность братских (т.е. равных) отношений между правителями”. Однако о равенстве в случае Асархаддона и Лайале говорить не приходится, поскольку последний является вассалом и данником первого. Если же понять разбитый последний знак как *LAP*, получим *aq-ta-bi-šu₂ a-hu-[lap]* “я сказал ему *axulan*”. Это словечко известно еще из надписей деда Асархаддона царя Саргона II: *reṁa aršišunūtima utnennišunu alqi...aqbīšunu ahular* “Милость я им явил — молитвы их принял... *axulan* им сказал” (CAD, A1, 214).

Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...
Деянья всех людей — как тень в безумном сне...

Пушкин: «В сердцах друзей нашед измену, В мечтах любви безумный сон»

Лермонтов: «Увы, минувших лет безумный сон. Со смехом повторить не смеет лира!»

Боратынский: «Или все-все в безумном сне Безумно чудилось мне?»

Апухтин: «Ночи безумные, ночи бессонные, Речи несвязные...»

Лохвицкая, Джан-Агир:

Она же, чистая, спала, —
Душой свободна и светла
В неведение греха.
И сны беззвучные над ней
Взвивали рой немых теней, —
Она была... глуха.

Мечта о подвигах — как детская забава...

В этой части сонета герой очевидно погружается в бред о своем величии, во что-то совершенно невнятное. Если деянья всех людей, представляющиеся ему только тенью (одной!) в его собственном безумном сне, можно признать вполне понятным образом, то «мечта о подвигах как детская забава» — сравнение, которое уже заходит за грань рационального. Чья мечта о подвигах? Чья забава? Для кого забава? Вероятно, поэт таким неуклюжим способом хочет передать ту простую мысль, что подвиги всех людей мира в сравнении с его собственными являются только детской забавой. Но почему детской забавой является сама мечта о подвигах? Боюсь, что автор либо выразился неточно, либо передал спутанность мыслей своего героя в самый момент его упоения и одержимости славой.

*Я исчерпал до дна тебя, земная слава,
И вот стою один, величьем упоен...*

Именно эти строки являются ключом ко всему сонету и к трагедии Ассаргадона, причем совершенно неочевидным ключом. Читатель,

скользя по тексту, понимает только то, что Ассаргадон достиг вершин славы. На самом же деле «земная слава» — это, разумеется, аналог *gloria mundi* «мирская слава». И вспомнив об этом аналоге, читатель вспомнит и первые два недостающих латинских слова: *sic transit gloria mundi* «Так проходит мирская слава». Брюсов, хорошо знавший латынь, завуалировал в этой строке особое послание. Земная слава ассирийского царя исчерпана, он достиг в ней дна. Обратим внимание на то, что земная слава не идет вверх, к небу, а стремится вниз, к безводной земле. Она вычерпывается, после чего открывается сухой остаток материи, пустыня как таковая. Но Брюсов говорит, что земная слава царя не прошла, а осталась запечатленной на стене. Однако, с другой стороны, здесь и несомненная трагедия, потому что никакой иной славы, кроме земной, Ассаргадон не достиг. Слава небесная, духовная, его не коснулась. И поэтому он одинок и несчастен в своем гордом земном величии. Ему не осталось ничего другого, как только упиваться этим величием, — то есть, впасть в бред мании величия, что и продемонстрировали предыдущие строки сонета.

Возникает вопрос, не вполне очевидный для литературоведа, зато совершенно очевидный для ассириолога. Почему поэт делает героем стихотворения именно Асархаддона, а не гораздо более злых и жестоких царей — Синаххериба или Ашшурбанипала? Если обратиться к литературе, которую читал сам Брюсов, то там Асархаддон предстает скорее исключением из правила. Так, автор «Древней истории народов Востока» Г. Масперо пишет:

Асаргадон является одной из самых оригинальных и самых интересных личностей в истории Ассирии. Не менее деятельный и решительный, чем Ассурназирпал и Тиглатфалассар, он не отличался ни их суровостью по отношению к своим подданным, ни их жестокостью к побежденным. Во всех тех случаях, когда его предшественники проявляли непреклонное жестокосердие, он являлся снисходительным и милосердным государем. История его войн не изобилует уже рассказами о заживо ободранных пленниках, о царях, посаженных на кол у ворот своих городов, о населении целых стран, истребленных его мечом (Масперо, 1895, 461).

Стало быть, что-то заставило Брюсова пойти против мнения историков и сделать образцом жестокого и властного ассирийца именно Асархаддона. Какова же эта причина? Полагаю, что ответ кроется в самом имени правителя. Окончание этого имени дает множество рифм, что и демонстрирует поэт в первой части сонета. Если же взять

Синаххериба или Ашшурбанапала — то, во-первых, это имена, неудобные для произнесения или длинные, во-вторых, к ним не сразу подберешь нужную рифму. В случае с Асархаддоном есть ключевая рифма “Сидон”, которая направляет поэта в историческое русло. Брюсов обращает мнимое послание грозного царя соседям в традиционную для восточной поэзии форму монорима: Ассаргадон — Сидон- закон — трон — упоен — Ассаргадон. От имени царя как бы распространяются волны ужаса, власти и порядка, но эти волны идут по кругу и прибывают все к тому же священному имени. Поэтому, на мой взгляд, Брюсов предпочел подсказку языка свидетельству историка.

Но возникает еще один вопрос: зачем же все-таки Брюсову понадобилась Ассирия, что ему давно умерший ассирийский царь? Ответ дают самые разнообразные источники. Вот эпиграмма на Брюсова, принадлежащая перу Муни (С.В.Киссина):

Эпиграмма

Когда б литературный трон
Мне благосклонно боги дали,
Когда б “Весы” и “Скорпион”
В моих глазах свой рок читали,
В высоком востряковском зале
Своим величьем упоен
И счастлив был бы я едва ли,
Должно быть, я — Ассаргадон!
(Ашукин, Щербаков, 2006, 276).

А вот свидетельство М.А.Волошина:

Мне памятна одна беседа с Брюсовым. Мы говорили о том, как для человеческой души в каждый момент ее существования, подобно огромным и туманным зеркалам, раскрываются новые исторические эпохи, что душа, расширяясь, познает себя новой в отражениях прошлого. Я указывал на то новое понимание мистической Греции в лице Вячеслава Иванова, понимание, к которому мы пришли через открытие Греции архаической и варварской. Теперь же, говорил я, этот путь ведет нас к новому пониманию мистической сущности Египта, которое уже брезжит кое-где, например у Розанова.

— Одни области прошлого раскрылись, а другие замк-

нулись, — сказал Брюсов. — Египет мне совершенно чужд. А вот Ассирия очень близка. Совершенно закрыт для меня мир Библии. Из этой области я не написал ни одного стихотворения. А вот для Мережковского близка Библия. Он пишет библейским языком. А когда он описывает Рим времен Юлиана, то в нем он видит и чувствует только средние века, хотя по видимости и описывает мир Цезарей.

Для меня же Рим ближе всего. Даже Греция близка лишь постольку, поскольку она отразилась в Риме. В сущности же я, относясь к эллинскому миру с тем же недоумением и непониманием, с каким относились римляне. Я знаю, что в моих стихах я никогда не мог воплотить духа Греции.

(Волошин, 1988, 414-415).

Мы видим, что ассирийский царь Ассаргадон — это сам Брюсов со своим чувством гордого одиночества и ослепительной славы¹, что Ассирия близка Брюсову в той же степени, в какой ему близок Рим, и ассирийско-римское начало противостоят в нем непонятой библейской и чуждой греческой культуре. Что же это за начало? Теперь мы переходим к брюсовскому пониманию Ассирии и ассирийского.

Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.
(Фонарики)

Довольным

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.

¹ Аналогично ассоциации вызывает Брюсов у К.Д.Бальмонта: «Как разлюбить Ассаргадона? / пусть он, порой, людского стона / Не слышит, опьянен собой. / Что стоит гений! В нем быть вечность, / Замрет в нем, вспыхнув, быстротечность, / Но быстрый миг поймет любой, — / А кто поймет миров бездонность, / Их длительность, их непреклонность, / Их бури в бездне голубой? / Один лишь он, кто вне закона, / Кто мерит дали небосклона / Своей душою, лишь собой!» (дарств. надпись Бальмонта Брюсову 1903 г. // ЛН 98.1.787.

Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!
Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий углый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!
(1905)

С лент мёртвых рек Месопотамий,
Где солнце жжёт людей, дремля,
Бессчётность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!
(У Кремля (1923))

Итак, выясняются поразительные вещи. Оказывается, брюсовская Ассирия — это прежде всего насилие и кровь, красный цвет, борьба океана народной страсти со старым порядком и, наконец, утверждение этой борьбы в большевистском строе Красного Кремля. В последнем стихотворении уже, напротив, сама древняя Месопотамия, породившая Асархаддона, устремляется мечтами к стенам Кремля, чувствуя в нем что-то родное, возможно, осуществившее ее собственный идеал. Несомненна связь этой темы со стихотворением “Грядущие гунны”: здесь поэт так же восторженно приветствует разрушителей мира, в котором он живет, и даже призывает грядущих мстителей разрушить вместе с этим миром его самого. Ассаргадон распадается в нем на собственное “Я” и родственную этому “Я” стихию, которая призвана погубить поэта (что в результате и произошло).

Можно ли теперь определить семантический инвариант сонетов Шелли и Брюсова? Разумеется, можно, и это нетрудно. Инвариантом является дихотомия «мертвое-живое»: окаменевшая страсть, вложен-

ный в каменную глыбу «надменный пламень» агрессии. Но у Шелли эта окаменевшая страсть располагается в реальной пустыне, а у Брюсова она погружена в пустыню духовную, в надменное безысходное одиночество. У Шелли нет психологической прорисовки образа Озимандии, у Брюсова же состояние персонажа очевидно: он болен манией величия и погрузился в велеречивый бред.

Зная, насколько часто Брюсов обращался к Горацию и Пушкину, можно предположить, что стихотворение «Ассаргадон» является анти-тезой жанру «Памятника». Ассирийский царь ставит памятник своей агрессии и своим страстям, даже не задумавшись о наличии в мире каких-то интеллектуальных и нравственных качеств. Он занят самовосхвалением, отлично понимая, что его горделивая поза — единственный знак, оставляемый им потомству. В своем послании он угрожает царям других народов и перечисляет факты своей немилости к тем, кто ему сопротивлялся. Все эти черты весьма далеки от «милости к падшим» и от пробуждения добрых чувств лирой. Поэтому сонет Брюсова вполне может быть назван первым отчетливым манифестом антигуманизма, порывающим с пушкинской традицией в русской литературе гораздо решительнее, чем футуристические манифесты или статьи Писарева. В нем можно без труда усмотреть влияние ницшеанской идеи сверхчеловека, преодолевшего мораль. Однако под вопросом остается сам факт знакомства Брюсова с трудами Ницше в конце 1890-х годов.

Но стихотворение Брюсова спорит не только с Пушкиным, но и с ближайшим оппонентом ранних символистов В.С.Соловьевым. Это принципиальное противостояние язычника монотеизму, выраженному в стихотворении «Кумир Небукаднецара» (1891 г.). Оно малоизвестно, следует привести его полностью.

КУМИР НЕБУКАДНЕЦАРА

Посвящается К.П. П<обедоносцеву>

Он кликнул клич: «Мои народы!
Вы все рабы, я — господин,
И пусть отсель из рода в роды
Над нами будет бог один.
В равнину Дуры вас зову я.
Бросайте всяк богов своих
И поклоняйтесь, торжествуя,
Сему созданию рук моих».

Толпы несметные кишели;
Был слышен мусикийский гром;
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.

И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли,
И рукотворного Кумира
Владыкой Жизни нарекли.

Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной — дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Кадильным дымом окружен.

И перед идолом на троне,
Держа в руке священный шар
И в семярусной короне,
Явился Небукаднецар.

Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы,-
Земля умолкла предо мной.

Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».

И по равнине диким стоном
Пронесся клич: «Ты — бог богов!»,
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.

В сей день безумья и позора
Я крепко к Господу воззвал,

И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.
И от высот Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Как пламя жертвенника, зрима,
Твердь расступилась надо мной.

И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,
Корою льдистою одели
Равнину Дурскую кругом.

Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.

Где жил вчера владыка мира,
Я ныне видел пастухов:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотов.

Начало ноября 1891
(Соловьев, 1891)

Перед нами известный библейский сюжет о безумии Навуходоносора, который в конце жизни начал вести себя как животное. Строки, выделенные курсивом, связаны по смыслу со строками сонетов Шелли и Брюсова. Стихи Соловьева посвящены душителю гражданских свобод К.П. Победоносцеву, их значение недвусмысленно: Единый Бог карает языческого царя за изобретение ложного кумира, попирающего свободу. Тот, кто воображал себя властителем Земли, стал по воле Бога ничтожеством. Брюсов, конечно, знал эти стихи, и «Ассаргадон» стал на них ответом. Ответ этот заключается именно в том, что неприкрытая агрессия и откровенное насилие в отсутствии духовного идеала способны обеспечить их носителю бессмертную славу в веках. Брюсов не учитывает присутствие этого идеала в жизни, он не соотносит земных деяний с заповедями монотеистической религии. Мы должны осознать, что его расхождение с Соловьевым гораздо принципиальнее эстетических разногласий: дилемму «Восток Ксеркса или Христа» именно Брюсов сознательно решает в русской литературе в пользу Ксеркса. Вспомним, что речь в той дилемме шла о грядущей судьбе России.

Рецепция

Бальмонт изящно отвечает Брюсову в стихотворении, опубликованном в 1903 г., переводя идею могущества над миром в музыкально-поэтическую сферу.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море,
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

(«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»;
Бальмонт, 1903)

Далее, следует отметить, что Брюсов повлиял своим сонетом на концепцию собственного «Памятника», написанного в 1912 году. В нем он окончательно отождествляет себя с Ассаргадоном:

Что слава наших дней? — случайная забава!
Что клевета друзей? — презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

В «Памятнике» окончательно закрепляются те черты (надменность, холодность, упоение своей мнимой гениальностью), которые были свойственны поэту еще с юности. Брюсов низко оценивает мимолетную славу настоящего и претендует на Славу с прописной буквы, на введение в храм вечности.

В том же самом 1912-м году написано и стихотворение Тинякова «Тукультипалешарра I», которое мы разбирали в предыдущем сборнике. Тиняков усиливает тему жестокости и по-смердяковски откры-

вает замысел своего кумира — воспевание абсолютной власти неумолимого диктатора.

Можно предположить влияние брюсовского сонета на стихотворение Мандельштама “Египтянин” (1913?). Во-первых, стихотворение создано в жанре египетской надписи. Во-вторых, у него одинаковый размер с брюсовским “Ассаргадоном”. В-третьих, его первая строчка начинается с “Я” и заканчивается последним словом с похожим последним слогом: “-дон/дом”. В-четвертых, точно в начале третьей строфы в обоих стихотворениях следует хвастливый полувопрос-полуутверждение: “Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?” / Кто может сосчитать сановника доход! Бессмертны высокопоставленные лица”. То есть, в ассирийском случае бессмертие дает власть, а в египетском — хозяйственное преуспевание.

Антитеза теме брюсовского Ассаргадона со всей очевидностью просматривается в булгаковском романе «Мастер и Маргарита». В образе Понтия Пилата автор романа использует библейские и средневековые сюжеты о вечных странниках — Каине и Агасфере, наказанных бессмертием до конца дней. Пилат изображен в начале романа человеком, который чувствует впереди бессмертие, но не желает его. Во второй части он и в самом деле наказывается бессмертием в полном одиночестве, и выручает его из этого положения только простивший его Иешуа. В случае Ассаргадона — такого же эгоистического владыки судеб — прощение не наступит никогда, поскольку Ассаргадон (как и лирическое «Я» самого Брюсова) отвергает божественное начало мира.

Рефлекс брюсовского Ассаргадона можно увидеть в описании верблюда у Заболоцкого:

ГОРОД В СТЕПИ

3

Гомер степей на пегой лошаденке
Несется вдаль, стремительно красив.
Вослед ему летят сизоворонки,
Головки на закат поворотив.
И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,

Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.
Закинув темя за предел земной,
Он медленно ворочает глазами,
И тамариск, обрызганный слезами,
Шумит пред ним серебряной волной.

1947

(Заболоцкий, 1947)

Ассаргадон предстает здесь уже верблюдом как животным памятником и хранителем древности. Основные мотивы стихотворения Брюсова — печаль, гнев, гордыня, слава как вкушение пространства и конечное несчастье героя — перечислены по пунктам как в учебнике литературы. Тысячелетняя тяжесть в очах, медленное вращение глазами и слезы, выступающие на долгоживущий и засухоустойчивый тамариск — лучшее подтверждение тому, что долгая жизнь не приносит счастья. Сравнение с лебедем, видимо, проводится только по изгибу шеи и закидыванию головы. Вряд ли этот лебедь пустыни хочет куда-то улететь. Конечное определение верблюда — скиталец и калека — относятся только к нему самому, но не к ассирийскому царю, с которым его сравнивает поэт. Но несомненно, что Ассаргадон — не простая подстановка имени в удобном размере, а осмысленная часть образа.

Заболоцкий исключительно точно расставляет акценты. Ему, как и Брюсову, свойственно глубинное понимание мироощущения древневосточного человека, особенно жителя Месопотамии. Славу он понимает в стиле клинописных текстов, т.е. именно как стелу, установленную в знак покорения героем некоего пространства. Ассаргадон прочно ассоциируется у него с пустыней, что абсолютно верно с точки зрения брюсовского прототипа и самого сонета: ведь в пустыне нашли статую Озимандии, пустыней оказывается и вычерпанная до дна слава Ассаргадона. Скиталец и калека — продолжение темы, объединяющее героя сонета Брюсова с образами Каина и Агасфера. В покорении пространства, в славе, в бессмертии нет счастья. Отринувший “чувства добрые” остается скитальцем и калеккой в безграничной пустыне. Такова мораль сонета «Ассаргадон», которую дописали за автора его читатели.

Эта статья не состоялась бы без помощи филолога и библиографа Александра Львовича Соболева. Он разыскал в брюсовском фонде

РГБ черновики стихотворения и собрал все разночтения, за что я ему сердечно благодарен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашукин, Щербаков, 2006 — Ашукин Н., Щербаков Р. Брюсов. М; ЖЗЛ, 2006.

Бальмонт, 1903 — Бальмонт К.Д. Стихотворения. Цит. по адресу: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/balmont/all.html#ya-v-etot>

Брокгауз 3 — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 3. М; 1890.

Брюсов, 1899 — Брюсов В.Я. Книга раздумий. СПб; 1899.

Брюсов, 1973 — Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. М; 1973-1975 гг. Т. 1 — 1973 г.

Волошин, 1988 — Волошин М. Лики творчества. М; 1988.

Емельянов, 2010 — Емельянов В.В. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова “Тукультипалешарра Г”) // Лесная школа. Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 109-120.

Заболоцкий, 1947 — Заболоцкий Н.А. Стихотворения. Цит. по: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/zabolockij/all.html#stepnum-vetram-ne>.

ЛН — Литературное наследие. Т. 98. Ч. 1. М; 1991.

Масперо, 1895 — Масперо Ж. Древняя история народов Востока. Москва, 1895. В первом издании ошибка в имени автора. Должно быть Г. (Гастон) Масперо.

Соловьев, 1891 — Соловьев В.С. Стихотворения. Цит. по адресу: <http://www.damian.ru/Poets/soloviev.html>.

Borger, 1956 — Borger, R. Die Inschriften A s a r h a d d o n s , Königs von Assyrien. Graz, 1956.

Budge, 1880 — Budge, E.A. The History of Esarhaddon. London, 1880.

Diodorus I — Diodorus Siculus. Library of History I. Цит. по адресу: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diodorus_Siculus/1C*.html

Shelley — Shelley, P.B. Ozymandias. Цит. по адресу: <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/1904.html>